

Рейды по пустыне становятся обыденностью, но та по прежнему остается загадкой. Уже не любимой, сложно любить место, где гибнут знакомые и даже те, кого он называл друзьями. Миражи перестали казаться загадочными, теперь они предвестники бед, а то и потерь. Только сейчас Кагами понимает, почему наставница не хотела брать его с собой на передовую, при первой же возможности отсылая назад, в поселение Клана, и расстраивалась когда он возвращался. Чужие смерти оставляют сильный след на душе, даже если тебя готовили к этому с детства. Это он не только чувствовал, видел по глазам названных сестер, невольно благодаря наставницу, которая старалась помочь. Без поддержки им было бы гораздо сложнее.

Тихий вздох рядом. Такару почти бесшумно поднялась с лежанки и подкинула в небольшой очаг топлива, выдувая на него тонкий язычок огня. Чадающий дым тут же рванул в дымоход, стало немного теплее, но девочка вернулась не к себе, а к названному братцу, сворачиваясь калачиком под боком. Малышка слишком озябла и искала источник тепла. Вот обратная сторона слабой чакры, которую и без того она потратила на тренировки.

— Кагами-ни, ты завтра уйдешь, да? — чужой голос тих.

— Да, я должен вернуться к Сумико-сама, — ответ звучит чуть виновато, он прекрасно понимает насколько одиноко Такаре вдалеке от подруг и наставницы. Однако менять ничего не собирался. Тут она в безопасности.

— Ладно, — недовольное сопение, которое через какое-то время сменяется на размеренное дыхание. Девочка засыпает, а вот Кагами уже не спалось. Скоро ему надо будет выдвигаться в путь с небольшим количеством новичков. Благо хоть командир не он, что в разы упрощает его существование.

Из временки, в которой поселили Такару, он выбирается едва сереет небосвод, оставляя подругу мирно спать под несколькими одеялами. Долгие прощания не в его духе и названная сестра с ним в этом была согласна. По крайней мере, Кагами показалось, что она проснулась и

просто не подала виду. Это было бы в духе Такары.

— Ты вовремя, — стоило пареньку выйти, как рядом появился более старший товарищ, который бесцеремонно потащил его за собой. — Твоя задача провести инструктаж. Показать, как надевать и для чего нужны головные уборы с повязками. Времени на это час, после выдвигаемся.

— А но...

— Задача ясна? — раздраженный, полный жажды крови голос, заставил Кагами примолкнуть.
— Прекрасно, тогда приступай.

Кагами недовольным взглядом провожает чужую спину. Тут не надо быть провидцем, чтобы понять почему именно на него было решено скинуть инструктаж. Одно из самых нудных и неинтересных занятий. Он бы тоже с радостью сбежал, не став тратить нервы на новичков, только... отвечать придется перед наставницей. Показать некомпетентным в ее глазах, он себе позволить не мог, поэтому лишь недовольно скрипит зубами и идет к новичкам. Кагами заранее предвкушает, как его встретят и нисколько не удивляется чужим усмешкам и холоду.

Он никогда не ладил со сверстниками и ребятами старше. Терпение тоже не было его сильной стороной, но сейчас, он просто сцепляет зубы и не ведется на подначки, послушно исполняя навязанную ему роль.

Возвращение под крыло наставницы Кагами воспринял с облегчением. Все же ходить под ее командованием было гораздо интереснее, чем с кем-то еще. Одним из самых больших плюсов для парня были знания. Сумико-сама всегда щедро делилась ими, подробно отвечая на вопросы.

Рутинa затягивает, даже обманчивая пустыня с ее загадочными миражами надоедает. Постоянные стычки с жителями пустыни перестают радовать уже после первых боев, когда рядом корчится тот, кому не повезло получить порцию яда. В войне романтики нет, Кагами это усвоил давно, полностью поддерживая наставницу в ее мнении, что лучшее сражение — без потерь.

Громкие хлопki прерывают цепочку размышлений. Откормленный черный ворон садится на отведенную для почтовых птиц жердь. Сомнений нет. Послание от Мадары-сама и кому попало он не дастся. Это же подтверждают свистнувшие в миллиметре от отшатнувшегося парня когти. Другому смельчаку повезло меньше. Острый клюв прочертил глубокую борозду по подставленной руке. Сразу становится окончательно понятно, кого ждет ворон. Кагами торопится донести эту весть наставнице, радуясь тому, как сверкнули радостью ее глаза. Едва заметно, но все же, она сразу же преобразилась. Тем страшнее видеть мертвеющей по мере прочтения послания взгляд.

— Сэнсэй? — тихий зов, на который не реагирует замершая женщина. — Сумико-сама? Сумико-сэнсэй? — ноль реакции, только сжатое в кулак послание. Кагами делает нерешительный шаг и притрагивается к руке наставницы. — Сэнсэй!

Расплата следует незамедлительно, его легко скручивают, он даже не успевает понять как. Просто в одно мгновение оказывается уткнут в землю, чувствуя как его тело перестало слушаться команд. Чужеродная чакра, непривычно колючая. Блокирует любое движение, внося хаос в его собственную чакру. Становится больно даже дышать, зато наставница пришла в себя и посмотрела уже осмысленным взглядом. Долгим, странным и таким незнакомым. В нем было столько недоверия, что становилось плохо.

— Собирайся, мы возвращаемся, — короткий, рубленый приказ, не просьба, как обычно. В чужих глазах мелькнула решимость и уверенность. Будто она находится не в защищенном лагере, рядом с учеником, а на поле боя.

Кагами растерян, провожая наставницу взглядом полным смятения. Он чувствует будто от него огородились стеной, но не понимает в чем его вина. Только его ли? Сумико-сама стала такой после послания Мадары-сама, значит причина в нем. Однако восстановить написанное невозможно, серый пепел уже давно смешался с песком.

— Пошевеливайся, — он не замечает подкравшегося со спины соклановца, который не жалеет сил, вкладывая в обычный хлопок по спине еще и чакру, заставляя мальчишку пролететь пару метров. Впрочем, это же помогает прийти в себя, перекувыркнуться в воздухе, достать кунай для защиты и замереть, выискивая врага, но не находя его.

— Менгиро-сан? — Кагами растерянно моргнул.

— Хватит считать тушканчиков, — холодный голос отрезвляет, заставляя погасить рефлекторно зажегшейся Шаринган. — Сумико-сама отдала приказ. Действуй.

Парню требуется несколько мгновений, чтобы осознать сказанное и тут же вспыхнуть. Его оплошность слишком велика, но куда неприятнее, что ее видели остальные. Впрочем, Кагами хватает самообладания на поклон и короткую благодарность, он даже смог заставить себя не срываться на бег. Направляясь к своей палатке. Только вот от ощущения взглядов в спину, спастись было не так просто.

Чужие взгляды перестают волновать сразу же, как он видит наставницу. Непривычно равнодушный взгляд и жесткие складки у губ меняют мягкие черты до неузнаваемости, делая ее чужой, незнакомой. Кагами только и остается тенью следовать за ней, пытаюсь понять, что же послужило причиной изменений и растерянно пожимать плечами на чужие взгляды. Он сам не знает к чему такая спешка. Для чего наставница ставит вместо себя другого человека, и почему она хочет выйти в тот же день, а не дожидаться утра.

Немного проясняет ситуацию вопрос к Кохаку-сан о мертвых неко ее Клана, но не сильно. Призывные животные гибли. Не так часто, как их контракники, но ничего удивительно в этом все равно не было. Он сам становился свидетелем таких происшествий. Пустыня всегда

забирала свою дань.

Сумико-сама торопится, действует слишком быстро и не дает никаких объяснений. Последнее непривычнее всего. Она ведь даже на вопросы не отвечает! А подобного Кагами вспомнить не мог. Наставница всегда поощряла их любопытство, отвечая на любой вопрос, не делая скидок на возраст.

Дорога до поселения проносится незаметно. Парнишка выжимает из себя все соки, ощущая нетерпение и тревогу наставницы. Он понимает, что замедляет ее передвижение, поэтому выбивается из сил, но не чувствует привычной поддержки. Его даже не осаживают, напоминая насколько вредно работать на износ. Кажется, Сумико-сама этого даже не замечает.

Соклановец вырастает на пути внезапно, они подошли к первому посту перед поселением

— Пусть Аматерасу будет к вам милостива, Сумико-сан, — уважительный поклон. — Это весь ваш отряд?

— Да не оставит вас Тсукуеми, — последовал негромкий ответ. — Да, это весь мой отряд.

— Примите мои соболезнования. Клан скорбит вместе с вами, — очередной поклон и соклановец отступает.

— Благодарю, — отрывистый кивок и Сумико-сама уже сама встает во главе их небольшого отряда. Скользит вперед достаточно быстро, но даже не пытается пройти незамеченной мимо отрядов, послушно останавливаясь и принимая соболезнования с каменным лицом. Она будто тянет время, все сильнее и сильнее замедляясь. Однако поселение все равно приближается. Кагами слишком хорошо видит насколько ей тяжело ступить на утопанную сотнями ног тропинку. Однако она все равно идет, гордо расправив плечи, будто не замечая скрестившихся на ней взглядов, кивками отвечая на приветствие, но не останавливаясь. Правда, никто и не пытался заступить к ней путь.

— Ты пришла, Сумико, — Кагами растерянно смотрит на замершего перед госпиталем Главу Клана. Вокруг было слишком тихо, а ведь со строительством кошкиного дома, здесь всегда толпилась малышня под присмотром Харуки. Та с удовольствием возилась, как с детьми, так и с котятами.

— Мадара-сама, — чужой голос звучит равнодушно, нет привычных мягких ноток. Да и движения... скованные. — Они...?

— Идем, — Кагами не нравится, как смотрит Мадара-сама, какой взгляд он кинул на него, прежде чем зайти в госпиталь первым. Будто о чем-то хотел предупредить, но усилием воли смолчал.

Кагами знает куда они идут, но все равно не понимает. Не хочет понимать. Внутри закрадывается холод, даже страх. Почему-то ему кажется, что в самом нижнем помещении госпиталя, находится что-то ужасное. Появляется страсное желание сбежать, исчезнуть, раствориться, но только не видеть то, что ждет его в конце пути. Однако он не может отступить, послушно следуя за наставницей. Шаг в шаг. Отмечая насколько тяжела ее поступь. Легкость исчезла.

Обычные, ничем не примечательные двери, появляются резко, тем удивительнее, что распахиваются они совершенно беззвучно, а Мадара-сама делает шаг в сторону, позволяя разглядеть три массивных стола с прикрытыми простынями телами. В другое время он бы обрадовался. Обычно здесь Сумико-сама показывала им особенности чужих Кланов, поясняла их слабости, но сейчас...

Наставница сделала шаг. Тяжелый, будто на ее плечах многотонная глыба. Он чувствует укутавшее ее отчаяние. Она протягивает дрожащую руку к ближайшему телу, медленно и аккуратно стягивая покрывало. Открывая вид на черные волосы, высокий лоб, плотно сжатые глаза, полуулыбку на тонких губах...

— Харука-не-сан... — Кагами не сразу смог сложить в голове образ. Он не верил в увиденное, это казалось ему чей-то злой шуткой, ужасной иллюзией. Он даже сделал шаг вперед, но упавшая на плечо рука не позволила перешагнуть порог. Взгляд через плечо натывается на усталые и понимающие глаза Главы Клана. Он просто качает головой и кивает на его наставницу.

Шаги Сумико-сама вновь бесшумны, она с отчаянной нежностью гладит мертвую девочку по волосам, а после рывком сдергивает белую ткань с тела. Чистого, без единого синяка. Ухоженного, радующего глаз плавными линиями и полностью сформировавшимися округлостями.

— Ее убили ударом в спину, — повернувшись на голос Мадары-сама наставница бездумно скользит по ним взглядом, даже не замечая, как в уголках глаз начинает собираться кровь.

Белоснежное лицо напоминает маску. Она не отвечает, просто поворачивается назад, аккуратно подымая тело ученицы и осторожно проводя по алой отметине. Тонкой, но сильно выделяющейся на алебастровой коже. Кагами даже не удивляется, когда руки Сумико-сама окутывает зеленое свечение и порез исчезает. Теперь ничто не нарушает белизны мертвого тела, осторожно опущенного назад. Парню сложно понять о чем думает его наставница, картинка перед глазами плывет, а щеки сырые. Еще минуту назад ему помешали сделать шаг вперед, а теперь он уже сам не может пошевелиться, лишь наблюдать за аккуратными движениями Сумико-сама. За тем, как она целует в лоб Харуку, как прощается, скрывая за простыней бездыханное тело.

Кагами бьет мелкая дрожь, когда наставница делает шаг к следующему столу. Приходит осознание, кого он видел на первом, изнутри подымается паника, ему хочется кричать.

Остановить это безумие, но голос не слушается, ноги приросли к полу. Он просто смотрит, как с очередного тела слетает простынь. Внутри подымается волна облегчения, когда там оказывается Мичи-сама, он даже ощущает злорадство, но оно застревает в горле мешая дышать.

Следующее тело, белоснежная простынь открывает... Котоне. Девочка-колокольчик, с которой он не слишком ладил, но все же не забывал. Всегда приносил со своих миссий какой-нибудь гребешок или заколку, прекрасно зная, насколько она любит украшать свои волосы. Да и не только свои. В редкие праздники, именно она отвечала за прическу наставницы, пока остальные помогали по мелочам. Теперь этого всего не будет. Они больше не услышат рано утром звонкий голосок старательно выводящий какую-нибудь песню, чтобы разбудить припозднившихся друзей. Не услышат колокольчики смеха брызнув прохладной водой. Убийца, будто из зависти к чужому голосу, смял гортань. Это не исправить никак. Ее смерть была мучительна, но быстра.

Алые дорожки прочерчивают путь по матовой коже. Кагами замирает, испуганно смотря на плачущую кровавыми слезами наставницу, на бешено пульсирующий Шаринган, который стремительно изменялся. Он заворожено смотрит на это, чувствуя боль из-за которого додзюцу будто корчится в агонии. Он даже не слышит разговора Мадары-сама с Сумико-сама и первый замечает, как изменения глаз прекратились и девушка покачнулась.

— Сэнсэй! — отчаянный рывок, желание подхватить, но он не успевает. Ему подвластно только увидеть смазанную тень и Сумико-сама падает в руки Мадары-сама закрывая глаза.

— Она пробудила Мангеке, — Кагами ничего не спрашивал, но получил ответ. — И я очень надеюсь, что ты сможешь ухаживать за наставницей, остальные ее ученицы слишком далеко, а помощь нужна уже сейчас.

— Да, мне нужно помещение и травы, я скажу какие, — Кагами встряхивается, стирая следы слабости на своих щеках и подымает на Главу Клана шаринган с тремя томоз. Ему произошедшее тоже не обошлось даром. Последний взгляд на прикрытые простынями тела. Кулаки сжимаются до хруста.

— У тебя будет все, идем, — отрывистая команда и Глава Клана без лишних сантиментов хватает его за плечо, рывком перемещая прочь из госпиталя, в комнату Сумико-сама. Там уже расстелен футон и замерла одна из служанок.

Глава Клана продумал все, смог предсказать произошедшее, но... Кагами даже не стал спорить, когда именно Мадара-сама стал помогать ему переодевать наставницу. Он отчаянно вспоминал все, чему его обучали и мысленно проклинал самого себя. Если бы он прилагал к ирьедзюцу больше усилий... однако не прилагал, это уже аксиома. Ему оставалось исходить из своих собственных возможностей, а еще уповать на призыв. Не свой. Сумико-сама.

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/54344/1382355>